

**Апробация предварительных результатов исследования по проекту РФФ.
Стенограмма. 20 августа 2019 г. Часть 2**

(Обсуждение выступления С. Удербасовой)

Сайфулмаликова С. С.: Повлияло ли казахско-джунгарское противостояние на этнополитическую ситуацию в Степи?

Удербасова С. К.: Эта тема практически никак не была изучена. Я знаю, что в третьем томе академического издания «Истории Казахстана» о курама всего два предложения, когда идет речь о взаимоотношениях казахов со среднеазиатскими ханствами. Это вообще, на мой взгляд, неизученная проблема. Но у меня не было цели изучить ее. Рассматриваю ее как своего рода перспективу. Тем не менее, я считаю, что очень сильно повлияло на вообще этнополитическую картину, по крайней мере, казахов южного Казахстана. И по сей день мы знаем, что даже в антропологическом отношении казахи южного Казахстана отличаются от казахов северного Казахстана. Это тоже один из итогов казахско-джунгарского противостояния. Но эти аспекты вообще упускаются из вида даже теми специалистами, которые ставят перед собой задачу изучать конкретно казахско-джунгарские взаимоотношения. И потом, я подчеркнула, что, к сожалению, кроме работ В. Моисеева, В. Басина, Р. Сулейменова и, отчасти М. Тынышпаева, серьезных трудов практически нет. Но именно сегодня возникает огромный интерес к истории ойратов, причем не только у калмыков, допустим, а именно у казахов, российских исследователей. Именно Алтайский регион очень серьезно этим занимается и ставит новые вопросы.

Я хотела сказать, что в казахской историографии существуют проблемы, помимо борьбы с мифотворчеством, некой политизации этого аспекта казахско-джунгарских взаимоотношений. Мне кажется, нужно разобраться с этимологией терминов ойрат, калмык, джунгар. И еще Пыльный поход — Шанды жорык — абсолютно неизученная тема. Причем представленный мною обзор показывает именно это. Откочевка 1771 года — такой важный аспект в истории ойратов, изученный не до конца. И там есть некоторые спорные моменты, которые может быть у казахских ученых вызовут тоже непонимание, ибо национальная история имеет свои особенности.

Бегалиев М. М.: Сауле, спасибо, у Вас такой обширный историографический обзор получился. Только хотел бы сказать, что у нас в Кыргызстане есть Талайбек Бейшеналиев, выпускник института востоковедения в Ленинграде. Он сам китаист. Мне статья его попадалась «Метапространственная структура Джунгарского ханства». Он сам китаист и работает, в том числе, на основе китайских источников Мин шу. Правда, когда у него просят: «Дайте нам посмотреть», отвечает: «Я давал подписку, я не могу». Он к своим источникам никого не подпускает. Но у него очень интересный подход, скажем. Он показывает метапространственную структуру ханства, и показывает, что утверждение о том, что казахи и кыргызы противостояли джунгарам, не совсем верно. Что часть кыргызов входила в состав джунгарской общности. По-моему, он утверждает, что кыргызы входили в состав четвертого — пятого отока Джунгарского ханства. Получается, в одно и то же время часть казахов, часть кыргызов противостояли джунгарам, в это время часть кыргызов и, вполне возможно, казахские роды входили в состав их ханства. Джунгары не рассматривали всех казахов, всех кыргызов как врагов. Это был просто вопрос лояльности. Культура, образ жизни и тому подобное, способ хозяйствования тогда ведь были практически одни и те же. Джунгары легко включали иноплеменников в состав войск потом участвовали в территориальной экспансии. Т.е. это достаточно интересный взгляд, который отличается от традиционного изложения джунгаро-казахских, джунгаро-кыргызских отношений XVII–XVIII века.

Васильев Д. В.: Если ни у кого нет вопросов, у меня тоже такое маленькое рассуждение по этногенезу. Вот что я хотел сказать про кыргызов, раз они прозвучали здесь. Мне доводилось слышать, не только мне, наверняка в этом зале есть свидетели, когда одна известная кыргызская ученая, этнограф, сказала: «Вы знаете, мы рассуждаем с вами о

восстании 1916-го года. Оно кровавое, в результате него действительно много людей погибло. Это национальная трагедия. Но оно ведь способствовало консолидации кыргызского народа. Поэтому мы не забываем про это восстание, но не держим первым в повестке дня, потому что благодаря нему кыргызы объединились и сохранились». Но это такая ремарка.

(Экспертная оценка со стороны приглашенных исследователей-экспертов по докладу, статье членов научного коллектива по проекту РНФ С. К. Удербаевой, А. М. Сагатова. Озвучил эксперт А. Д. Васильев)

Работа Удербаевой С. К., Сагатова А. М. представляет интерес как масштабное и законченное историографическое исследование, посвященное работам по определенной научной проблеме, изданным за последние два десятилетия. Тем не менее, у этой работы имеется и определенный недостаток. Так в статье авторы справедливо заявляют: «В настоящее время многие аспекты истории ойратов нуждаются в переосмыслении и становятся предметом изучения российских, казахстанских, киргизских, монгольских, американских и других ученых». Но далее в статье рассматриваются почти исключительно работы только лишь российских авторов – за исключением проанализированного сборника «Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника Великого сражения», изданного в Казахстане. Полагаем, настоящее исследование обогатило бы изучение современных работ казахстанских, монгольских, американских авторов.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучила участник проекта С. И. Ковальская)

Авторы сообщения дают характеристику новейшим работам (начала XXI в.) по истории ойратов и их роли в международных отношениях в Центральной Азии в XVIII в. Вызывает настороженность некоторая бессистемность анализа: авторы характеризуют работы без привязки к каким-либо критериям – по жанру (монография, диссертация, Интернет-ресурс и пр.), по хронологии, по предмету исследования. Тем не менее, нельзя не согласиться с авторами, что данная проблематика недостаточно широко освещена в историографии. Это предполагает перспективность дальнейшего изучения вопросов о влиянии ойратов на историю и международные отношения в Центральной Азии в XVIII в. участниками проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.»: правовые аспекты (Р.Ю. Почекаев, И.В. Тутаев), политика ойратов в Восточном Туркестане (С.А. Асанова, Д.В. Васильев), природа и результаты отношений ойратских и правителей (С.И. Ковальская). Прделанный историографический анализ существенно облегчает выбор тех или иных исследовательских работ для отправной точки таких исследований.

Выступление Ж. М. Сулайманова

(Обсуждение выступления Ж. М. Сулайманова)

Васильев Д. В.: У меня два вопроса, пока никто не успел. Скажите мне, пожалуйста, насколько я понял, кыргызы, которые проживали в Коканде и в России, условно в России, они воспринимали себя по-разному, они не воспринимали себя как общность и они имели этническую специфику, правильно?

Сулайманов Ж. М.: Я бы не сказал, что они имели этническую специфику. Они различались по условиям проживания.

Васильев Д. В.: То есть был, условно, кыргыз кокандский, который говорил: «Я кокандец»?

Сулайманов Ж. М.: Да.

Васильев Д. В.: А кыргыз русский говорил: «Я кыргыз, потому что я среди казахов»?

Сулайманов Ж. М.: Кыргыз русский – он был кыргызом казахским.

Васильев Д. В.: Да, казахским. Понятно, то есть то, что Вы нам рассказали – это такой яркий пример реализации принципа *divide et impero* нормальной здоровой империи: разделяй и властвуй. Просто империи воспринимают этот принцип как данность, как инструмент, систему, а не как что-то родное, кому-то близкое, а кому-то нет. Империя так управляла и разделила. Или это разделение сложилось не по воле империи?

Сулайманов Ж. М.: Нет. Во-первых, разделение существовало уже до империи. Мы видим это по тому обстоятельству, что южные киргизы ориентировались на Кокандское ханство и видели себя в составе этого ханства. И есть северные, которые еще до прихода России (они считали Кокандское ханство враждебным себе) им же противостояли. Плюс хозяйственно-географическое различие, которое постепенно стало накапливаться до прихода России. Потом, с появлением здесь империи, южные киргизы административно вошли в Ферганскую область, а северные – в Семиреченскую. И различие между ними еще больше проявилось.

Васильев Д. В.: Вряд ли больше, потому что административные системы в целом были близки. Хотя те, кто занимается Туркестаном, знают, что Ферганская область – это Ферганская область: там администрация отличалась, но не так радикально, как если сравнивать Россию и Коканд. То есть, в принципе, не *divide et impero*, а наоборот, Россия способствовала сближению, хотим мы того или нет.

Сулайманов Ж. М.: Думаю, не так все однозначно. Во-первых, управление Ферганской и Семиреченской областей достаточно отличались.

Васильев Д. В.: Там в нюансах отличалось: количество выборных от местного населения, но везде был губернатор, население везде говорило на своих языках, даже волостные управители говорили на своем родном языке, русский не знали, империя как-то жила с этим.

Сулайманов Ж. М.: Административная структура, конечно, одинаковая во всех областях. Отличия проявляются не в структуре – везде руководили губернаторы. Вопрос в другом. В Семиреченской области более активно проводилась та же переселенческая политика. Я приводил цифры: на севере, в Семиреченской области, было уже 250 000, а на юге всего 2 000 русских. Это влияло на ситуацию.

Васильев Д. В.: Даже не знаю, как откомментировать эту Вашу мысль. Хотелось в начале Вашей реплики сказать: «Ах, какая она, Россия! Она заселила Казахскую степь и наплевала на Фергану!» Но в Фергану она не пошла почему: чтобы не трогать там оазисы. И там вакуфы сохранялись. А в Семиречье их давили. Потому что думали: «Ах, как бы не тронуть эту Ферганскую область, чтобы она не стала там взрывоопасной бомбой».

Сулайманов Ж. М.: Мне просто кажется, что Семиреченская область – это 300 тысяч квадратных верст и тогда и 100 тысяч – Ферганская. Просто некуда тогда русских было привести.

Лысенко Ю. А. У меня два вопроса, которые, возможно, прозвучат по-дилетантски. Они обусловлены любопытством. В советской историографии, насколько я представляю, нам

всегда преподносили идею о том, что пребывание казахских и киргизских племен в составе Кокандского ханства – это зло, потому что Коканд — это религиозная эксплуатация, экономическая эксплуатация. А вот Российская империя спасла от этого двойного угнетенного состояния и казахские, и киргизские племена. Как сегодня, в современной историографии Вашего государства трактуется пребывание киргизов под властью Кокандского ханства? Это первый вопрос. Второй – в продолжение той дискуссии, которая начала разворачиваться. Степень этнической консолидации, речь об этом шла. То есть киргизы воспринимали себя как единый этнос, но в силу внешнеполитических обстоятельств оказались разобщенными. Скажите, с Вашей точки зрения, эти этнические консолидационные процессы под воздействием Российской империи усилились или, наоборот, Россия в некоем смысле тоже продолжала тормозить их?

Сулайманов Ж. М.: Понял вопросы. По поводу современной историографии. Я не отношусь к такому профессиональному сообществу, как Вы – к историкам, но на основе тех материалов, которые я изучил, могу сказать о том, что наша официальная историография говорит о том, что есть северные племена – и большая часть киргизов ассоциирует себя с северными. И они сопротивлялись и воевали с кокандскими. Есть киргизы, которые воевали с Кокандским ханством. Это были северные киргизы. А половина, чуть ли не больше, была органической частью, политической силой этого ханства. Это южные киргизы.

Васильев Д. В.: Словом, северные воевали с южными, пока не пришла злая Россия и не помирила их.

Сулайманов Ж. М.: Насчет противостояния. Если посмотреть на само понятие «киргиз». Им пользовались в XIX в. и в начале XX в. почти все. Первая Киргизская республика со столицей в Оренбурге создается в 1920-м г. Киргизами русские считали казахов. И в первой переписи 1897 года в Ферганской долине те, которых стали потом называть киргизами, были записаны как каракиргизы. А северные киргизы, которые все на самом деле были киргизами, воспринимались как казахские киргизы. Вот такая ситуация. То есть я бы не сказал, что они специально были противопоставлены. В тот период было непонятно, кто кому принадлежит. Позже, с политикой большевиков, происходит определение. А в колониальное время было такое определение: киргизы южные и киргизы, они же казахи, вернее, киргиз-кайсаки.

Васильев Д. В.: Я сделал вид, что не заметил пережиток постколониального синдрома. Термин «колониальный период»... Я знаю, что в центральноазиатских государствах как-то постепенно отказываются от этой терминологии, но в школьных учебниках он еще упоминается.

Сулайманов Ж. М.: А как же именовать?

Васильев Д. В.: Мы говорим у себя: это имперский период, период империи. Правила империя. Она так правила, и что? А то «колония» исстрадалась. Вот Верещагина вспоминали. Сколько русские из пушек расстреляли казахов? Молчание. И апофеоз войны тоже на другую тему сложили.

Мухамедов Ш. Б.: Два слова хочу сказать. Есть замечательные книги. Бахтияр Мираимович Бабаджанов написал солидный труд «Кокандское ханство», другие работы. Сейчас буду вспоминать много ученых. Дело в том, что, действительно, династии Кокандских ханов (я согласен с коллегами, вы очень правильно замечание сделали), среди них были и киргизские династии. Вы сказали, что Вы не очень большой специалист, но если династийно смотреть, там были очень мощные киргизские династии (Пулатхан и другие). Да, было потом своеобразное перекидывание мяча: династия Мин или династия Шейбани-хана, осколки еще Золотой орды. Тут очень тесное переплетение. Было взаимное, скажем, давление узбеков и киргизов друг на друга. Но в целом киргизские династии управляли Кокандским ханством. Это известный факт.

Теперь об этнониме «киргиз». Мы знаем, что во второй половине XIX – начале XX века, киргизом обозначали казаха. Это надо четко себе представлять. А на начальном этапе – это дикокаменные киргизы. Под ними и понимались нынешние киргизы. Позднее пришел

этноним каракиргизы. То есть трансформация такая: дикокаменные киргизы в каракиргизы. Нынешние киргизы – это те, кого называли каракиргизами. Киргиз-кайсаками называли казахов. Надо четко знать эту терминологию, иначе мы просто запутаемся в терминологии. Теперь, термин «сарт». Вот мы видим 800000, почти под миллион сартов. Опять-таки, кто такие сарты? С. Н. Абашин писал об этом. До сих пор нет общего мнения по поводу сартов: то они были, потом после 1926 г. почему-то исчезли. Куда делись эти сарты? На самом деле сартами во второй половине XIX – начале XX века называли оседлое земледельческое население, жителей городов. К сартам относили и таджиков, и узбеков.

Теперь вопрос колонии. Дмитрий Валентинович, дело в том, что в самих трудах российских востоковедов второй половины XIX – начала XX века идет термин «колония». Но надо знать, что в термин колония вкладывался какой-то другой смысл. Как вы, коллеги, говорите: была империя – естественно, были и колонии. Как его понимать? Здесь мы начинаем каждый перетягивать одеяло в свою сторону. Мы, постсоветские независимые страны говорим – колония. У нас не все говорят, что пришли русские, угнетали, издевались. Хотя есть и такие. Но есть более объективная часть историков. И я согласен с Вами, что мы должны объективно рассматривать этот период. Вот буквально вчера мне звонит корреспондент агентства «Франс Пресс» и говорит: «Шухрат Бахронович, как Вы относитесь к евразийству? Как Вы воспринимаете идею евразийства, Ваше мнение?». Я говорю, что на самом деле мы с соседними странами и с Россией вместе уже на протяжении многих веков, и для нас, на мой взгляд, будет очень правильно войти в ЕАЭС. Другой вопрос, конечно, там есть свои правила, кто-то больше выиграет, кто-то меньше, но в целом кооперация, интеграция на сегодняшний день – это очень важно. Я считаю, что войти в ЕАЭС для нас будет очень полезно. Спасибо.

Сулайманов Ж. М.: Я бы хотел, уважаемые коллеги, ремарку добавить. Вопрос о том, как сегодня современные историки осваивают или присваивают историческое наследие. Просто, к сожалению, если судить по нашей истории, то Кокандское ханство из истории Кыргызстана просто вычеркивается. То, что это близко, что имеет к нам отношение, не хотят признавать. И поэтому в учебниках мы видим следующее: Великодержавное кыргызское ханство IX века. Оно ближе и роднее, чем какое-то Кокандское ханство, которое существовало в XIX веке. Вот так осваивают прошлое современные историки. Что историки не осваивают, то у нас не рассматривают, пренебрегают, отсекают из своей исторической памяти, из своего исторического видения. Это я хотел сказать.

Васильев Д. В.: Я думаю, что мы просто еще не подошли к тому рубежу, когда сможем полностью объективно и спокойно смотреть на многие вещи, не деля между собой прошлое. Сейчас все молодые государства, в том числе и современная Россия, проходят период становления, идеологии в первую очередь. И сейчас, на мой взгляд, начался период успокоения, но он только начался. Продолжаться он будет, думаю, не одно десятилетие. Но, слава Богу, что есть мы, которые видим эти перспективы и прекрасно их понимаем.

Багалиев М. М.: Здесь прозвучало «сарты». Думаю, не так все однозначно. Даже в тех переписях одновременно с сартами упоминаются ведь не просто люди, которые живут в городах и занимаются определенным образом жизни. Там ведь перечисляется: сартов столько-то и еще столько-то таджиков. Таджик, большей частью, мы знаем, тоже живут в городах и т. д. Тот же Бабур, например, когда описывает свой Ферганский уезд, он упоминает, что в Маргелане живут сарты, а в Андижане – турки. (Под Андижаном он имеет в виду, скорее, не окрестности, горы, а сам город Андижан). То есть, во времена Бабура различали: в этом городе (Маргелане) – сарты, а в Андижане – турки. Получается, турки были еще при Бабуре, в XV веке, в городе. Они языком отличались, культурой. Может быть идентичность у них была разная. Во всяком случае, Бабур различает их, хотя и не поясняет. Просто говорит: там живут турки, здесь живут сарты. То есть все немного сложнее, интереснее.

Васильев Д. В.: Но тогда не было такого инструментария, как сейчас, чтобы определить этническую принадлежность. Поэтому давайте оставим это для этнографического конгресса. В России он происходит раз в два года, по-моему. Пусть там, в

Казани или в Уфе, разбираются с этим вопросом.

Мухамедов Ш. Б.: Можно маленькое пояснение по поводу переписи 1897 года, как она проходила? Это очень правильное замечание. Просто мы должны знать механизм. Представьте, переписчики приходили в то или иное время, их не пускали в дом. В итоге они представляли не очень точную информацию. Механизм был не отработан. Отвечали довольно условно. Один факт. Грамотность населения вывели как 2 % по региону. Как это получилось? Отметили тех, кто знал русский язык. Поэтому и получилась грамотность всего 2 %. Нам надо учитывать особенности механизма переписи.

Багалиев М. М.: Я видел материалы одной переписи. Там были любопытные ответы в графе национальность: ферганец, маргеланец. То есть люди идентифицировали себя по месту рождения. Некоторые казахи, кыргызы даже племя указывали. В графе «национальность» иной раз встречался ответ «мусульманин».

Васильев Д. В.: Продолжаем работу. Сейчас мы попросим выступить Гульбану Болатовну. Она нам расскажет про аманатов. Аманаты – это такой интересный инструмент. Международные отношения в Центральной Азии с участием Российской империи в отношении казахов и других кочевых народов они как бы были, с одной стороны, а с другой стороны – как бы не были. Потому что это были отношения внутри некоей общности, которую империя считала своей территорией. При этом эти регионы управлялись Министерством иностранных дел, и оно здесь доминировало. Поэтому это уникальный случай, когда внутригосударственные отношения имели характер международных. Вот один из аспектов урегулирования этих отношений был институт аманатства.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучил участник проекта Р. Ю. Почекаев)

В сообщении рассмотрена проблема, сегодня достаточно мало изучаемая где-то за пределами непосредственно Киргизии. В связи с этим она представляется значительный интерес, поскольку существенно расширяет и дополняет в географическом и этническом отношении охват вопросов в рамках проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.». Вместе с тем, нельзя не отметить, что автор пытается работать в рамках парадигмы «пост-советского синдрома», упорно именуя российскую политику в Центральной Азии и, в частности, по отношению к киргизам колониальной, несмотря на то, что сам же отмечает положительные черты российского влияния в регионе. Тем не менее, поднятая проблематика и результаты проведенного автором исследования могут представлять интерес для ряда участников проекта по отдельным его направлениям – правовое положение киргизов в Кокандском ханстве и его изменение после вхождения в состав Российской империи (Р.Ю. Почекаев), отношения киргизов и казахов (А.М. Сагатов, С.К. Удербоева), социально-экономическое и правовое развитие киргизов в составе Туркестанского края Российской империи (Д.В. Васильев). Также представляется весьма эффективным дальнейшее взаимодействие с автором сообщения на предмет обмена источниковой базой.

Выступление Г. Б. Избасаровой

(Обсуждение выступления Г. Б. Избасаровой)

Васильев Д. В.: Спасибо, Гульбану Болатовна. Очень интересно и полезно. Безусловная Ваша заслуга в том, что Вы аккумулировали в своем выступлении столь различные аспекты. Я знал только ситуацию российскую, и Вы почти верно ее отразили. Почти, потому что дьявол кроется в деталях. Действительно, заложники-аманаты погибали в российских не застенках, конечно, но погибали. Потому что они не могли жить в инокультурных условиях.

Избасарова Г. Б.: Да, я согласна.

Васильев Д. В.: И Россия понимала, что она делает что-то неприглядное, что так не хорошо держать, не достойно. Особенно с Екатерины II с ее просвещенного абсолютизма все пошло. Она говорила: «Давайте поменьше цинизма, давайте нести свою цивилизационную миссию. Мы же не звери». Как в фильме знаменитом: «Люди, вы звери!» Мы не звери. И потом рождается идея использовать аманатов как проводников имперской культуры в Степи. Их тогда начинают обучать, возить, показывать. Это не было доминирующим, скорее, как проект. Вы понимаете, когда мы оцениваем имперскую политику, мы должны смотреть не только на реальные воплощения вот этих солдафонов и урядников, мы должны также говорить о том, что хотелось. Хотелось то, реализовалось это. Иначе: то, что делают урядники – это не политика, это реализация, то есть разные вещи.

Избасарова Г. Б.: На самом деле Дмитрий Валентинович прав. Это четко прослеживается на примере пребывания аманатов – детей хана Абулхаира (четверо его сыновей были в аманатах). Тринадцать или четырнадцать сыновей хана Младшего жуза Нуралы также находились в аманатах. Когда Кожамет был отправлен в Петербург, ставился вопрос об обучении самого султана, всех детей, которые имели султанское происхождение. Их обучали и русскому языку. В тот момент это не дало никакого результата. Интересный момент: при оренбургском губернаторе А. Путятине сын хана Нуралы Аблай носил парик. Вы знаете, что по мусульманской традиции вообще нельзя носить парик. Аблай носил французскую одежду, в частности узкие мужские лосины – это тоже вообще не характерно для мусульман. Он танцевал на балу и т. д. Для российской стороны все это было, хоть маленьким, но результатом. Когда Аблай вернулся обратно в Казахскую степь, все усилия российской стороны обнулились. Конечно, аманатов обучали культуре, русскому языку – это становится одним из главных моментов уже с 70-х гг. XVIII в.

Васильев Д. В.: Я часто говорил и цитировал русских авторов, что они писали о казахах. Их называют замечательным, смелым народом, искренним, как дети, который просто нуждается в том, чтобы его направляли. Я настолько часто это говорил, что в МГУ меня стали воспринимать как какого-то ставленника чего-то или кого-то. После этого я стал говорить о «хитрых киргизах». Так вот, хитрые казахские ханы в аманаты своих старших драгоценных детей не отдавали. Они думали: «Вот, русские тупые, они ничего не поймут, давай того пошлем, который живет при моей юрте». Тот был незаконнорожденным от седьмой жены или племянником, его и посылали аманатом. А у русских был уже А. Тевкелев и его последователи, которые начали соображать в серьезных казахских дипломатических делах. Поэтому отказывались часто. Говорили, например: «Что вы присылаете детей от незаконной второй жены?» Она по-нашему незаконная, а у казахов – законная.

Избасарова Г. Б.: Очень интересен еще один момент. На самом деле так и происходило. Российская империя будет просить детей, рожденных именно от старшей жены Бопай. Абулхаир попытается отправить сына Чингиса, рожденного от калмыцкой жены. И власти серьезно изучали: на самом ли деле он чингизидского происхождения, так ли он любим своими родителями, как другие дети, рожденные от Бопай. В конечном итоге Чингис откажется. У Нуралы-хана будут просить его старшего сына, чего Нуралы будет всячески избегать, но в конечном итоге большинство его детей были в аманатах.

Отношение к институту аманатства меняется в 1770-е–80-е годы. Во взаимоотношениях России и Казахской степи появляется другой момент. Российская

администрация уже начинает брать в аманаты не только детей султанов, ханских детей, но также детей казахских старшин, которые кочевали на определенных территориях. И когда казахи переходили границу, за Урал, дети этих старшин оставались заложниками. Но снова возникал вопрос: на самом ли деле оставляли детей старшин или детей простого происхождения. Когда казахский род возвращался на летние пастбища, этих детей, случалось, забывали. Тогда начальники крепостей писали Нуралы-хану, что осталось, к примеру, трое детей в заложниках, заберите их. Нуралы в ответ отказывался и говорил, что вообще их не знает. Так было. Аманаты все содержались за счет российской стороны. А в казахско-джунгарских взаимоотношениях казахские аманаты содержались за счет джунгар. Поэтому из окружения Абулхаира сообщали в 1740-е годы, когда обострились казахско-джунгарские взаимоотношения, о том, что аманаты голодают. Если раньше на 10 дней им резали одного барана, то теперь на месяц им режут одного барана (а что такое один баран для кочевника?).

Почекаев Р. Ю.: Во-первых насчет вот этих самых аманатов, которые становились проводниками культуры. Тут видеть какую-то заслугу Екатерины II, считаю, нет смысла потому, что Османская империя это с XVI века уже реализовывала. Я думаю, России была известна такая практика в отношении крымских Гиреев. Тут как раз интересней, почему такая практика не стала работать в России – вот это надо бы исследовать. Второй вопрос, не вопрос, а пример – это пример с детьми Галдан-Цэрэна: можно ли их считать аманатами, если аманаты должны обеспечивать мир с той страной, откуда они взяты. А Галдан-Цэрэн, наоборот, был заинтересован в их гибели больше, чем сохранить им жизнь за счет мира. То есть это, наверное, не аманаты, а средство дипломатического давления? Как альтернативный ставленник. Это что-то вроде правителя в изгнании. Такие же были и при завоевании Средней Азии. Когда оказывались в руках русских какие-то родственники ханов, считали, что за их счет можно сохранить мир. Выходило наоборот: ханы были заинтересованы в том, чтобы снесли голову конкуренту в борьбе за престол. Следующий момент – вот тут как раз-таки вопрос. Про Россию очень хорошо известны многочисленные примеры, которые Вы приводили, но самое интересное, что никак это в правовом отношении не регулировалось: ни в указах императорских, ни в клятвенных грамотах ханских, ни потом в положениях никаких ведь не было ни слова об аманатах, о том, что обязаны их предоставлять. В отношениях с другими государствами были такие письменные документы, которые регламентировали это или нет? И собственно последний момент по поводу Китая. Вы говорили, что применялась эта практика. Вы сказали, что были сведения о том, что посылали аманатов, но почему-то не закончили, что цинцы отправляли обратно этих заложников, потому что заложники были им не нужны, потому что в вассалитете были заинтересованы больше казахи, чем империя Цин. Так что вопрос у меня один: по поводу правовой регламентации.

Избасарова Г. Б.: Да, на самом деле правовых документов, которые бы четко показывали, что люди находились в аманатах, где бы описывались четко положения, таких документов нет. Об аманатах говорят в мемуарах, дневниках, в различных донесениях, рапортах, т. е. в документах, связанных с конкретным случаем или с конкретным человеком. А законодательного акта, договора, конечно, нет. Это обычай, да. Но и, конечно, спасибо, Роман, Вам за эти интересные мысли.

Муллоджонов С. К.: Дорогие коллеги, к Гульбану к меня есть небольшое замечание или дополнение об эволюции термина «аманат». Вы вспомнили о Цинской империи. Но в эпоху господства мусульман, в эпоху Арабского халифата, начиная с X в., до монгольского периода, этот термин тоже встречается. Есть даже точные конкретные примеры об использовании этого термина. Аманат – арабское слово. Например, в трудах Табари и Байхаки это слово употребляется, точнее, его синоним: аманат называется рахина или рахана. Вот конкретный пример, когда Мухмуд Газневи завоевал Хорезм, одним из условий договора было то, что старший сын хоразмшаха, который был ставленником Махмуда, должен находится в столице Газни, его звали Хандон. И вот одной из причин ухудшения отношений между Хорезмом и Газни, стала смерть Хандона (Байхаки пишет, что утром его

нашли мертвым). После монгольского нашествия, начиная с эпохи Тимура, с XV века появляется слово «аманат», а до этого с X до XIV века используется термин ракхана или рахина (переводится дословно: заложник).

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучил участник проекта С. А. Асанова)

Автор сообщения уделит внимание достаточно сложному и неоднозначному институту международно-правовых отношений в Центральной Азии XVIII в. – аманатству или заложничеству. Анализируя применение этого института еще с древности, автор сосредотачивается на его использовании в отношениях между казахскими правителями, Российской и Цинской империями и Джунгарским ханством. Ценность проделанной работы состоит в попытках осветить указанный институт с разных ракурсов – международно-правовую практику, влияние на культурные связи народов региона и др. Сообщение носит характер постановки проблемы и, следовательно, его содержание и выводы могут получить развитие в ряде направлений реализации проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.»: правовое регулирование статуса аманатов (И.В. Тутаев), роль аманатов в развитии и укреплении связей российских властей с казахскими правителями (С.К. Удербаета), проблемы аккультурации казахской элиты через заложников (Д.В. Васильев), анализ и систематизация источников и исследований, посвященных аманатам (С.И. Ковальская). Также весьма плодотворным видится дальнейшее сотрудничество участников научного проекта с автором сообщения, имеющим обширный опыт работы с документами из архивов России и Казахстана.

Выступление Т. В. Котюковой

(Обсуждение выступления Т. В. Котюковой)

Васильев Д. В.: Мне понравился Ваш термин, он будет хорошо звучать по-английски. Имею в виду двойное игнорирование. Уважаемые коллеги, есть вопросы? Пожалуйста.

Сайфулмаликова С. С.: Меня интересует мусульманский вопрос вообще в имперской политике в Туркестанском генерал-губернаторстве. Уничтожение вакуфного землевладения имело какое-либо отношение к мусульманскому вопросу?

Котюкова Т. В.: А разве оно было уничтожено в Туркестане?

Васильев Д. В.: Оно существовало, но оно было очень сильно ограничено созданием новых вакфов.

Сайфулмаликова С. С.: В свое время я встречала разные документы. Вообще все религиозные местности существовали за счет финансирования от этих вакфов.

Котюкова Т. В.: Что касается Вашего вопроса, то он абсолютно сознательно остался у меня за скобками выступления. Потому, что я затрагиваю практики и идеи империи с точки зрения чиновников и людей, занимавшихся всеми этими вопросами и интеграционными, модернизационными – мы сегодня уже эти слова не раз употребляли. Поэтому вопросы, связанные с вакуфным землевладением, некоторая ограниченность в этот период этого землевладения, некоторые сокращения и невозможность открытия новых вакфов – это, конечно, совершенно самостоятельная тема.

Васильев Д. В.: И еще, не только ограничения в создании новых вакфов, но и в использовании средств от имеющихся. Там тоже были большие ограничения – что средства использовать только по назначению, завещать или не завещать – там все прописывалось. Была большая инструкция. Естественно, что прежним потоком благодать с вакфов уже не лилась на святых, как раньше. Кроме Ферганы.

Котюкова Т. В.: Я хочу сказать, что уже существовала идея, высказанная В. Наливкиным, о том, чтобы создать некий экономический фонд или даже отдельный банковский счет, куда бы стекались все поступления с вакфов. Потом из этих денег можно было бы финансировать, реставрировать, использовать их для поддержания школ – медресе, мечетей. Он подает Ф. Керенскому записку с такими мыслями. И после этого как-то быстро сокращается штатная единица инспектора народных училищ по мусульманским школам. Их и так было всего три человека, и тут вдруг неожиданно Керенский добивается, чтобы штатную единицу Наливкина сократили. И вот на основании документов, которые я видела, можно совершенно отчетливо понять этот конфликт. Наливкин объявляет Керенского в плагиате, в том, что тот присвоил его отчет, опубликовал в журнале. Это все было очень интересно потому, что влиятельные духовные лица практически предлагали Керенскому определенные откаты с этих вакфов, чтобы он ни в коем случае не запустил эту идею в жизнь. А как потом обогащаться-то? Это же очень сложно. Значит, государство начнет контролировать все эти деньги, как-то распределять, перераспределять. Но это все-таки немного выходит за рамки озвученной мною темы. Что касается ишанов-шарлатанов. Я оговорила, что это сведения, которые мы получаем из официальной административной переписки, из записок каких-то туркестанских краеведов-исследователей – это как бы взгляд с одной стороны. Насколько местное население, сами мусульмане, считало этих людей шарлатанами, что они обирают, обманывают – понимаете, привезли амулеты, продали, обменяли на стадо баранов – насколько это вообще допустимо и красиво – это совершенно другой вопрос. Но с точки зрения чиновников, исследователей-востоковедов, они предполагали, что это шарлатанство. А я отметила, что тем не менее, уважение к этим людям было очень высоким. Все эти религиозные практики, врачевание – к ним шли, они пользовались гигантской популярностью. Но с точки зрения власти это было шарлатанство, распространение которого по Степи надо было приостановить. Вот так я отвечаю на этот вопрос.

Гёзалова Н. Р.: Насчет политики двойного игнорирования. Вы сказали, что Российская империя не поддерживала ни мусульманство, ни распространение православия.

Не было ли это связано в первую очередь с тем, что она опасалась недовольства населения? Мне кажется, она не хотела настраивать население против себя.

Котюкова Т. В.: Конечно, я и сказала, практики реагировали очень тонко на специфику региона. Такое удаление епископа – это своего рода унижение. Его в столицу края приглашали раз в год. И то генерал-губернатор должен был лично разрешить ему туда приехать. Вообще блок православного ответа, как он у меня называется, я совсем сжала и скомкала, но, конечно не Синод был недоволен. Синод как раз был готов поддержать эту государственную политику, он ее и поддерживал. Потому, что более нищей епархии, чем Туркестанская и Ташкентская, не было. Худшего варианта просто не могло быть. Это тоже была определенная сознательная политика. И то, что на кафедру назначались люди, абсолютно не подготовленные с точки зрения специальной миссионерской подготовки. Из всех преосвященных таких было только два. Это был Дмитрий Абашин, который на Северном Кавказе активно руководил миссионерской школой во Владикавказе. И это был последний предреволюционный епископ Иннокентий, который до этого был в Якутии епископом Алеутским и Аляскинским. То есть этот человек как раз был подготовлен к миссионерским практикам. Потому что ведь с 1910 года (к сожалению, я тоже не успела об этом сказать) еще раз поменялся дискурс в отношении ислама в Российской империи. Это можно увидеть по запискам С. Витте, П. Столыпина и др. Это тоже всем достаточно известные истории. И вот тут власть начала колебаться: может, все-таки туда чуть-чуть православия как-то пустить. Даже термин придумал один из туркестанских епископов: в отчете в Святейший Синод он пишет о теплохладности со стороны туркестанских генерал-губернаторов к нуждам церкви. Тонкий термин – теплохладность. То есть он не говорит, что все вообще холодно, но показывает: вот обращаются к начальству с просьбами, а то в ответ теплохладно. На это реагируют. Епископ задает вопрос, вообще ли отказались вы от миссионерства в этом регионе. И администраторы объясняют, что нет, но идем другими методами, так как ставка делается на школу: русско-туземная школа, изучение русского языка и т. д. Дискурс поменялся, изменилась практика в сравнении, например, со Степью.

Гёзалова Н. Р.: Еще один вопрос как продолжение этого. А была ли вообще успешна такая политика распространения православия на завоеванных землях?

Котюкова Т. В.: Вы имеете в виду в других каких-то регионах?

Гёзалова Н. Р.: Да, именно российская политика.

Котюкова Т. В.: Эта политика довольно известна. Например, относительно народов Поволжья, народов Сибири. Где-то она считается успешной. Но, как правило, это были регионы, религиозное воззрение в которых было языческими, где монотеистические религии не были представлены. Допустим, Сибирь. Это же немного другая история. А здесь ислам, имеющий такие древнейшие корни, особенно коренного оседлого населения. А кочевое население Туркестана отличалось уже тем, что оно находилось под очень сильным влиянием. Почему я и сказала, что у православных священников были конкуренты – это был сартовский и татарский мулла. То есть сартовский был свой и еще татарский пришлый, который уже с новыми методиками приехал. Все было очень тонко и непросто, на мой взгляд. Но мне кажется, что власти (это был один из тех случаев) удалось соблюсти какой-то баланс. Здесь я готова признать, что этот баланс был найден.

Лысенко Ю. А.: Может быть я не совсем поняла, в чем концепция и в чем идея доклада. И у меня будут не столько вопросы, но несколько комментариев. Считаю, что я все-таки специалист по православию в этом регионе. Я категорически не согласна с двумя моментами, которые прозвучали в докладе: о роли татар в мусульманской политике империи в этом регионе и о том, что в отношении распространения православия в регионе, в Туркестане именно, империя игнорировала этот процесс. На самом деле, по моему глубокому убеждению, это не так. Я могу привести массу примеров. Начнем с татар. Я в свое время очень много читала дневниковые записи, мемуары миссионеров православной миссии, которые работали в Степном крае, в Туркестане. И мне врезался в память один сюжет, который меня потряс. Миссионер записал беседу с обыкновенным рядовым

кочевником-скотоводом казахом. Пропагандируя ему идеи православия, монотеизма, он доказывает, что вместе с этим крайне важно перейти на оседлый образ жизни. И кочевник казах у него спрашивает: «В чем достоинство вашего оседлого образа жизни?». «Что значит, достоинство, – слышит в ответ, – мы живем на земле, у нас стабильный доход; у нас клочок земли, который принадлежит нам». То есть миссионер объясняет со своих цивилизационных позиций. Кочевник казах отвечает: «Нам, киргизам, жалко вас русских, потому что на планете движется все: солнце всходит и заходит, движутся времена года, человек рождается, живет, умирает. И если осесть – это значит умереть. Солнце село – значит день закончился, наступила ночь. Мы не хотим умирать, мы хотим находиться в движении». К чему я это? У каждого этноса своя иерархия соседних этносов. И этноцентризм присущ всем. И в системе казахско-татарских отношений эта иерархия всегда существовала. И татарская религиозная община в Степном крае и Туркестане все-таки функционировала достаточно изолированно. Оренбургское магометанское духовное собрание распространяло свои компетенции на татар. Казахи, другие этносы были изъяты из видения этого духовного органа. Мечети, которые строились в регионе, четко делились на татарские и нетатарские. И, как свидетельствуют документы, посещение татарских мечетей представителями других этносов было запрещено. В годы революционных потрясений, согласно источникам, шла интеграция по линии мусульман всей Российской империи. Открывались благотворительные мусульманские общества в Туркестане – их открывали татары. Они вобщем-то достаточно замкнуто, изолированно функционировали. И говорить, что они оказывали какое-то влияние на исламизацию, я считаю, не очень правильно. Второй момент – о православии. Мы сегодня много говорили о цивилизационной роли Российской империи, но не говорили, что она себя позиционировала мессией с точки зрения идеологемы «Москва – третий Рим». Поэтому говорить о том, что она игнорировала процесс закрепления православия тоже исторически не верно. Мы знаем, что увеличение численности православного населения объективно требовало здесь и создания соответствующих епархиальных систем, церковно-приходских школ, приходов. Я приведу только один пример. По действовавшему в Российской империи законодательству открытие новых причтов и строительство новых церквей требовало, прежде всего, согласия православной общины. Христианская община обращалась в Святейший Синод с просьбой создать новый причт и разрешить строительство новой церкви на собственные средства, выделить церковному причту 99 десятин земли, чтобы причт сам себя содержал. В условиях Степного края и Туркестана, когда большинство крестьянского православного населения испытывало здесь канонические и, соответственно, финансовые трудности, говорить, что крестьяне здесь массово начнут строить храмы и приглашать причты, невозможно. Поэтому в начале XX в. государство и Святейший Синод шли по пути масштабнейшего с точки зрения государства проекта, направленного на развитие церковно-приходской системы. С 1907 года этот указ был принят Синодом, поддержан императором. Ежегодно от региональных органов власти собирали планы открытия новых церквей, новых приходов. Изучали демографическую ситуацию: как часто сюда переезжают, кто переезжает, какие категории крестьянства. И государство само финансировало процесс церковно-приходского строительства, церковно-школьного строительства. Поэтому в 1917 г., я вас заверяю, коллеги, Степной край и Туркестан покрыли сетью церквей, не говоря уже о храмовом строительстве в административных центрах. Поэтому тезис о том, что этот вызов, православный ответ – это некая политика игнорирования распространения православия, мне кажется, несколько неверен. Ну и много можно говорить о православном миссионерстве в Туркестане. Но я, наверное, на этом ограничусь.

Котюкова Т. В.: Можно я отвечу? Юлия Александровна, я вообще во всем с Вами согласна. Но посыл всего моего доклада касался сдерживания православия в отношении его распространения в мусульманскую среду. То, что открывали церкви, и каждый поселок имел школу – это безусловно. Ведь в уставных документах относительно создания Туркестанской и Ташкентской епархии так и писалось: что для нужд и окормления местного православного населения собственно и открывается эта епархия. Изначально в уставном документе не было

речи о христианизации мусульманского кочевого населения. Речь шла о местных нуждах, о православных – об отставных военных, крестьянах-переселенцах, чиновниках и др. В этой сфере, безусловно, исполнение всех нужд и треб осуществлялось; все это строительство проводилось. Но вот дальше того, чтобы пойти с Евангелием куда-нибудь и проповедовать, каких-то неофитов привлекать в свои ряды – вот здесь уже стоял, на мой взгляд, опять, исходя из тех документов, с которыми я знакома (ежегодные епархиальные отчеты, Туркестанские епархиальные ведомости, переписка), четкий запрет и табу. Священники этим были очень расстроены. Казалось, с одной стороны, они понимали, что и силенок в общем-то нет, чтобы пойти так массово в народ и в чайхонах что-то проповедовать, а с другой стороны, вроде как надо же этим заниматься, может, когда-нибудь настанет время, когда мы сможем к этому приступить. И здесь есть разница между Степным краем и Туркестаном. Было очень много интересных инициатив от туркестанских священников, например, по созданию миссионерского фонда, чтобы начинать открывать школы, их как-то финансировать. Сами понимали прекрасно, что таких сил, возможностей нет, застрельщиков тоже нет. Поэтому пока, увы, сдвинуться с этой мертвой точки они не могли.

Асанова С. А.: Насчет того, какой статус был у православия – ко второй части доклада. В том, что не было игнорирования, я не согласна. Выше статус был у католиков, протестантов. Они с легкостью открывали при поддержке генерал-губернатора свои церкви, в отличие от того же православия. Здесь была такая длительная перипетия. К. Кауфман был вообще противник любых таких шагов в отношении православия и утверждения его здесь, именно в Туркестане, в Ташкенте. Он считал, что здесь никакого присутствия православия не должно быть. Все это делать необходимо именно там, в Степном крае, потому что там кочевники, среди которых действовать будет проще и это никоим образом не повлияет на местное оседлое население. То, что касается вообще организации миссии, там были какие-то попытки у генерал-губернатора Н. Иванова. На самом деле, если рассматривать период до 1916 г., все было достаточно проблематично. Единственное оживление миссии наблюдалось именно в степных районах, потом – в Китае. Стали готовить священников со знанием китайского языка, которые подчинялись Туркестану. Им говорили: среди китайцев вы найдете благодатную почву, так как китайцы верят в Христа, но это пока еще католическая интерпретация, они самые лучше в готовности принять православие. Но в самом Туркестанском крае, даже в пределах Ташкента, Сырдарьинской области это шло достаточно болезненно.

Васильев Д. В.: Спасибо, Светлана Алексеевна. Мы Вашу позицию знали, теперь Вы ее озвучили публично.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучил руководитель проекта Д. В. Васильев)

Автор сообщения в течение ряда лет плодотворно изучает религиозные аспекты политики Российской империи в Русской Центральной Азии (преимущественно – в Туркестанском крае) и в данном случае поднимает проблему неоднозначности исламского влияния в разных частях этого региона и неэффективность мер по христианизации местного населения. Давая характеристику историографии по данному вопросу, автор в большей степени сосредотачивается на анализе источников – опубликованных и архивных. Выводом на основе исследования является противоречивость имперской политики в регионе, необходимость администрации постоянно менять свою позицию в зависимости от реально складывавшихся отношений в Русском Туркестане. Результаты исследования автора могут представлять интерес для ряда участников проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.» – религиозная политика и ее последствия для

политико-правового развития региона (С.А. Асанова, Д.В. Васильев), особенности религиозной политики среди туркменского населения Закаспийской области (С.Д. Васильев). Учитывая опыт работы автора с архивами, дальнейшее сотрудничество с ним в рамках реализации научного проекта представляется весьма перспективным.